

Послеполуденное солнце, утратив полуденный зной, стало мягким и ленивым. Пробиваясь сквозь высокие стеклянные окна третьего этажа библиотеки, где располагался отдел экономической литературы, оно ложилось на темные деревянные столы широкими, яркими и безмятежными пятнами.

В воздухе витал сухой запах старых книжных страниц, смешанный с едва уловимым ароматом типографской краски и бодрящими нотками кофеина. Здесь царила тишина, граничащая со священным трепетом: слышно было лишь осторожное шелестение страниц, мягкий стук клавиш и быстрый шорох пера по бумаге, напоминающий шелк, который ест весенний шелкопряд.

Линь Хао сидел на своем привычном месте — в углу у окна, где было достаточно света и при этом довольно уединенно. Перед ним, словно гора, высились стопки увесистых англоязычных научных журналов, кирпичеподобные монографии по экономике и потертый блокнот в твердом переплете, страницы которого были плотно исписаны мелкими заметками и размышлениями.

Слегка ссутулившись, он был полностью погружен в работу: то бегло просматривал аннотации к статьям, то хмурился, размышляя над какой-нибудь тонкой теорией, то, словно озаренный внезапной идеей, хватал ручку с треснувшим колпачком и начинал быстро строчить на черновике, оставляя на бумаге четкий и уверенный почерк.

Он готовил основные документы и план исследований для подачи заявки на получение Национальной стипендии выдающихся успехов. Эта стипендия была одной из самых престижных не только в Университете Цинбэй, но и во всей стране. Количество мест было крайне ограничено, а конкуренция — невообразимо жесткой.

Она не только покрывала все расходы на обучение и проживание, но и предоставляла солидное пособие, позволявшее обычному студенту ни в чем не нуждаться. К тому же, сам факт ее получения был знаком высочайшего признания, что открывало огромные перспективы для дальнейшего обучения или карьеры.

Для Линь Хао эта стипендия значила гораздо больше: от нее зависело, сможет ли он спокойно продолжить учебу в следующем году и удастся ли купить более эффективные лекарства для лечения ревматизма у матери.

Это была важнейшая из всех его нынешних целей, и права на ошибку у него не было.

Солнечные лучи играли на его опущенных веках и густых, слегка подкрученных ресницах, подчеркивая сосредоточенный и тонкий профиль. Иногда мимо на цыпочках проходили знакомые однокурсники. Видя его погруженность в работу, они одаривали его уважительными или понимающими взглядами, а порой беззвучно приветствовали жестами.

Линь Хао, словно почувствовав это, на мгновение отрывался от моря книг, отвечал легкой извиняющейся улыбкой и тут же снова нырял в строчки, боясь потратить впустую хоть секунду.

Время незаметно утекало между кончиком пера и страницами книг. Неизвестно, сколько прошло времени, когда рядом раздался слегка резкий, но намеренно приглушенный голос:

— Эй, великий ученый Линь, ты что, решил прирасти к этому стулу и стать единым целым со столом?

Линь Хао поднял голову и увидел соседа по комнате, Фан Синхэ, который стоял рядом с двумя бумажными стаканчиками кофе из кафетерия на первом этаже. На лице Фан Синхэ играла привычная, слегка насмешливая улыбка. Не дожидаясь ответа, он поставил один стаканчик прямо рядом с раскрытой книгой Линь Хао, и густой кофейный аромат тут же наполнил пространство.

— На, пей, пока горячий, взбодрись. Угощаю. Глядя на твой вид, боюсь, если не подзаправишься, то прямо здесь вознесешься на небеса, — Фан Синхэ понизил голос и сел на свободное место напротив.

Линь Хао наконец вырвался из состояния предельной концентрации. Глаза неприятно защипало, а шея и плечи затекли от долгого сидения в одной позе. Он отложил ручку, размял пальцы и искренне прошептал:

— Спасибо.

Тепло бумажного стаканчика согревало ладони. Он открыл крышку, осторожно подул на напиток и сделал глоток.

Дешевый растворимый кофе, горький, с привкусом искусственных ароматизаторов, для уставшего Линь Хао стал настоящим утешением.

Фан Синхэ окинул взглядом гору справочников и исписанные до краев черновики, после чего покачал головой с искренним беспокойством:

— Слушай, Хао, я понимаю, что эта стипендия важна, что от нее зависит твой пропитание на следующий семестр. Но посмотри на себя: синяки под глазами, как у панды, лицо бледное. Слышал, ты вчера до самого закрытия сидел в читальном зале? А сегодня чуть свет — уже здесь? Тебе ведь еще вечером идти на эту свою... подработку репетитором, да? Ты что, правда думаешь, что ты железный робот, которому не нужна подзарядка и техобслуживание?

Линь Хао сжал теплый стаканчик и слегка покачал головой. Голос его звучал спокойно, но твердо:

— Все в порядке, я привык. Могу выдержать такой ритм. Этот шанс слишком ценен, конкуренция огромная, нельзя расслабляться, нужно выложиться на полную. — Он помолчал, и голос его стал тише: — Сам знаешь, у меня нет особого выбора.

Фан Синхэ посмотрел на его худую, но прямую спину, и его насмешливая улыбка исчезла, сменившись серьезным выражением лица:

— Друг, конечно, я знаю, что тебе нелегко. Но именно поэтому нужно беречь себя. Здоровье — это капитал, ты ведь понимаешь это лучше других. Вспомни Ван Юань с нашего факультета: готовилась к конкурсу бизнес-кейсов, несколько ночей не спала, и что в итоге? Упала в обморок прямо во время защиты, увезли в больницу под капельницу, конкурс провалила. Не стоит оно того!

Он подался вперед и заговорил еще тише, пытаясь убедить друга:

— Послушай меня, нужно уметь расслабляться, иначе струна лопнет. Завтра выходной, погода хорошая, наша сборная играет в баскетбол с факультетом информатики, пойдешь с нами? Попотеешь, покричишь — все стрессы как рукой снимет, это куда лучше, чем грызть гранит науки в одиночку!

В сердце Линь Хао разлилось тепло. Фан Синхэ был одним из немногих друзей, с которыми он мог по-настоящему поговорить после поступления в университет. Несмотря на то, что у Фан Синхэ была обеспеченная семья, совсем другая жизнь и легкий, свободный характер, он был добрым и отзывчивым человеком, который искренне заботился о нем.

Фан Синхэ знал, что по вечерам Линь Хао подрабатывает, но где именно и чем занимается — тот никогда не уточнял, ограничиваясь словом подработка. Фан Синхэ, проявляя деликатность, никогда не допытывался, а лишь вот так, по-своему, выражал свою заботу.

Линь Хао горько улыбнулся и покачал головой:

— Завтра... правда, не получится. Утром нужно доработать план исследований в библиотеке, а после обеда договорился с профессором Ли сверить данные по его проекту, уже пообещал. Как только разберусь с этим, когда придут результаты по стипендии, обязательно пойду с тобой играть, договорились?

Фан Синхэ посмотрел на покрасневшие глаза друга и неистребимую усталость на его лице. Поняв, что уговоры бесполезны, он в сердцах вздохнул и тяжело откинулся на спинку стула:

— Ну ты и упрямый осел! Ладно-ладно, не переубедить тебя. Мир фанатиков учебы мне не понять.

Он словно что-то вспомнил, снова выпрямился и сказал:

— Кстати, еще один совет. Ты же знаешь Корпорацию Хо? Ну, того промышленного гиганта. Их благотворительный фонд учредил в нашем университете стипендию Просвещение, кажется, прием заявок как раз в эти дни. Сумма, конечно, не чета Национальной стипендии, но все же

деньги, да и говорят, что получить ее проще. Может, подашь документы? Для страховки, чтобы был запасной вариант.

Имя Хо прозвучало как тонкая игла, неожиданно уколовшая Линь Хао. Пальцы, сжимавшие стаканчик, едва заметно напряглись. В голове мгновенно всплыли ослепительные огни бара Призрак, неясная и властная фигура в кабинке A01, а также тот странный звонок по поводу перьевой ручки Монблан и высокооплачиваемого перевода для компании Технологии Просвещения. Холод пробежал по спине.

Он быстро опустил веки, скрывая промелькнувшее в глазах волнение, и ответил настолько спокойным тоном, насколько смог:

— Да, я знаю об этой стипендии. Но я хочу сосредоточить все силы на Национальной стипендии. У нее самый большой вес и значение. Что касается стипендии от Хо... решу, когда закончу с этим.

Он помолчал и добавил, словно объясняя это самому себе:

— За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь, сначала нужно достичь самой важной цели.

Он не хотел и не стремился иметь никаких лишних, даже кажущихся разумными связей с тем, что было связано с фамилией Хо.

Ощущение, что за ним наблюдают чьи-то невидимые руки и пытаются его прощупать, заставляло его чувствовать себя как на иголках.

<http://bllate.org/book/19580/1920023>